

— С каких это пор ты любишь сладкое?

Шэнь Янь ведь точно помнил: Цинь Цзигуй терпеть не может приторное.

Впрочем, какая разница? Дополнительный стакан лишним не будет. И сделает он это вовсе не потому, что сменил гнев на милость.

А как иначе? Нельзя вот так взять, без причин объявить бойкот, промолчать целый год, а потом отмахнуться извинением — и сделать вид, будто ничего не было.

Дружбой длинной в полжизни он, конечно, дорожил, но это не значило, что Цинь Цзигуй может крутить им как хочет. Тем более тот явно что-то недоговаривал. Поддаться на эту дешёвую уловку сейчас — значит полностью растерять гордость и принципы.

Но в одном Цзигуй прав: мухи отдельно, котлеты отдельно.

Нежелание прощать прошлые обиды — это одно. А вот то, что вчера Цинь Цзигуй из-за него ввязался в драку, схлопотал наказание и получил ссадины — совсем другое. Угостить его чаем в такой ситуации вполне справедливо.

Но на большее пусть даже не рассчитывает. Шэнь Янь — взрослый, сдержанный и принципиальный парень. Пока Цинь Цзигуй не проявит должного раскаяния, ни о каком заигрывании и речи быть не может.

Чтобы никто не заподозрил его в предвзятости, Шэнь Янь с каменным лицом поднялся и бросил Чжу Пэну и Го Ю:

— И тебе стакан, и тебе. Днём заберёте.

Перевернув стул на уже расчищенную парту, он подхватил столешницу сбоку, подмял всю эту конструкцию под мышку и направился в самый конец коридора — к классу 2-1.

Экспериментальная школа иностранных языков города Наньву, или просто Шивай, славилась по всему региону. Это было элитное частное заведение, где показатель поступления в ведущие вузы страны стабильно превышал девяносто процентов. Здесь не изнуряли учеников бессмысленной зубрежкой и не ставили на поток спортивные достижения — упор делали на качество образования. На каждый параллельный поток набирали от силы триста человек, выжимая максимум из отличного преподавательского состава и строгого отбора.

Нумерация классов шла по убывающей: чем меньше цифра, тем выше успеваемость.

Шестой класс, к примеру, плелся в самом хвосте физико-математического профиля. Его

ученики в лучшем случае рассчитывали на крепкий середнячок, а в худшем — еле пролезали на коммерцию.

Первый же класс состоял исключительно из местной элиты. Двадцать пять человек — сплошь будущие студенты Цинхуа и Бэйда. И если кто-то из них сдавал экзамены чуть хуже обычного, то с горькими слезами отправлялся в какой-нибудь Чжэцзянский или Фуданьский университет.

Для Шэнь Яня — бонвивана и заядлого разгильдяя, попавшего сюда исключительно благодаря щедрым спонсорским взносам богатых родителей, — перевод в Первый класс под неусыпный взор Хуан Шуляна был равен посягательству на личную свободу. Будто беззащитного кролика швырнули в стаю матерых волков.

На его симпатичном лице застыло такое выражение, будто он шел не на занятия, а на эшафот.

Он подпёр партой закрытую заднюю дверь класса 2-1 и замер, не желая делать ни шагу дальше.

Цинь Цзигуй, несущий его рюкзак, остановился следом.

— Что встал?

— Ничего, — отрезал Шэнь Янь с каменной миной. — Морально готовлюсь.

— И к чему же? — с иронией спросил Цинь Цзигуй, глядя на его напряжённую спину.

— Вы тут вообще разговариваете? — абсолютно серьёзно уточнил Шэнь Янь. — Или только задачи вслух разбираете?

—?

— Вы на перемене хоть в туалет выходите?

—...

— Вы что, и обедаете над тестами?

—...

— Вы сутки напролёт только зубрить умеете? Хоть у кого-то в телефоне игры есть?

—...

Цинь Цзигуй молчал. Шэнь Янь принял это за безмолвное признание.

Он сделал глубокий вдох, прощаясь со свободной жизнью, как вдруг длинная рука Цзигуя пропятилась над его плечом, нажала на дверную ручку и слегка толкнула створку.

Двадцать четыре головы синхронно повернулись. Сорок восемь глаз уставились на вошедших с нескрываемым любопытством.

Шэнь Янь так и застыл на пороге в обнимку со своей партой, не успев выдохнуть.

«Это тот самый школьный хулиган?»

«Это те самые гении-зубрилы?»

«Он пришёл кого-то бить?»

«Они сейчас забросают меня высшей математикой?»

Они стояли друг напротив друга, исполненные взаимного священного трепета, и никто не решался сделать первый шаг.

Наконец Цинь Цзигуй спокойно прошёл мимо, отодвинул свою парту назад, забрал ношу у Шэнь Яня, пристроил её рядом и небрежно бросил классу:

— Декан Хуан прислал его к нам пропитаться духом учебы. Ничего особенного. Занимайтесь своими делами.

— А, ну ладно.

Атмосфера мгновенно разрядилась. Ученики Первого класса выдохнули и вернулись к привычным делам: кто-то досыпал перед уроками, кто-то доедал завтрак, кто-то перешёпывался, а две девчонки впереди даже достали зеркальца и принялись расчёсываться.

Шэнь Янь остался стоять с пустыми руками.

«И чем этот параллельный мир отличается от нашего?»

Цинь Цзигуй аккуратно вытащил из его рюкзака учебники, разложил их по стопочкам и, не

поднимая головы, заметил:

— Не переживай. Мы и в телефонах сидим, и едим, и в туалет ходим. В людоедстве пока не замечены.

Шэнь Янь почувствовал укол неловкости оттого, что его мысли так легко прочитали. Нехотя он опустил на почётное место в самом хвосте класса, ощущая небывалый дискомфорт.

Едва он собрался достать мобильник, чтобы пожаловаться на жизнь Чжу Пэну и Го Ю, как перед его носом возникла раскрытая ладонь. Пальцы требовательно согнулись.

—?

Шэнь Янь поднял глаза.

Цинь Цзигуй смотрел на него сверху вниз:

— Телефон.

— Ты же сам только что сказал, что у вас тоже сидят в телефонах! — возмутился Шэнь Янь.

— На переменах. А если на уроках — то исключительно ради учебных материалов и вариантов прошлых лет. Ты тоже для этого достал? — тон Цзигуя был ровным и абсолютно будничным.

Шэнь Янь почувствовал себя смертельно оскорблённым.

Этот мужчина явно играл с огнём!

Он уже открыл рот, чтобы напомнить Цзигую, кто тут главный, но тот опередил его:

— Сдай мне. На перемене отдам. Если сейчас зайдёт Хуан Шулян, заберёшь только на выпускном.

— Кстати, да, — отхлебнув соевого молока, обернулся сидящий впереди Чэнь Юйбай. — Утром в учительской слышал: Хорёк только и думает, как бы подловить тебя и отобрать мобилу. Век воли не видать, если вру.

Шэнь Янь оцепенел.

Он сдавал экзамены на последний результат в школе далеко не в первый раз. С чего вдруг

Хорёк решил устроить на него охоту?

Новый телефон купить — не проблема. Проблема в другом: если мобильник отберут, пропадёт доступ к приложению «Исполнение желаний»! А вместе с ним испарится и надежда поставить Цинь Цигуя на колени. Какая тогда вообще ценность у этой жизни?

Тем временем в коридоре раздались тяжелые, узнаваемые шаги декана Хуана. Они приближались с пугающей скоростью.

Скрепя сердце Шэнь Янь впихнул гаджет в руку Цзигую:

— Забирай! Но если Хорёк его сцапает — я тебе этого не прощу.

Цинь Цзигуй ловко отправил устройство в карман.

В следующую секунду в заднюю дверь ворвался декан Хуан в сопровождении классной руководительницы Лян Цзе. Не теряя ни секунды, декан перешёл в атаку:

— Шэнь Янь! Встать! Повернись! Руки из карманов! Рюкзак вверх! Встряхнуть три раза! Показать стол! Э... а где?

Шэнь Янь безропотно выполнил весь комплекс досмотровых мероприятий.

Ничего не найдя, Хуан Шулян озадаченно насупился:

— Странно...

Но как бы подозрительно это ни выглядело, факт оставался фактом: телефона при ученике не было. Неужели парень и вправду решил исправиться?

Несмотря на солидный возраст, декан в глубине души всё ещё верил в добрые сказки. Немного подумав, он покровительственно похлопал Шэнь Яня по плечу:

— Молодец. Так держать.

Шэнь Янь уловил лучик надежды:

— Учитель, так я могу вернуться в свой?..

— Атмосфера Первого класса действительно творит чудеса! — сияя, перебил его Хуан Шулян.

— Остаёшься здесь! Об остальном не переживай!

—???

Шэнь Янь обомлел. Он рассчитывал совсем на иной исход!

Однако декан заботился о высоком полёте своего подопечного, а не о том, насколько тот устал на махе. Игнорируя протестующий взгляд, Хуан Шулян с чувством зачитал Лян Цзе краткий инструктаж «О мерах предосторожности при работе с Шэнь Янем» и «О недопустимости мягкотелости в борьбе с классовым врагом», после чего с чувством выполненного долга удалился.

Лян Цзе тяжело вздохнула и положив руку на второе плечо Шэнь Яня, произнесла:

— Декан решил содрать с тебя три шкуры, так что смирись.

С этими словами она подхватила конспекты и на каблуках процокала к кафедре.

Шэнь Янь остался один на один со своим отчаянием.

Линь Цянь, пожалев несчастного, тихо спросила:

— Чем ты так насолил Хорьку, что он сослал тебя в нашу каторжную обитель?

— Ничем. Просто набрал на финалке триста двадцать семь баллов.

Линь Цянь замолчала. А потом ровно выговорила:

— Ты это заслужил.

В конце концов, не каждому дано сдать экзамен так, чтобы его результат образовал идеальную осевую симметрию с баллом первого ученика школы.

— Слушай, а можно нескромный вопрос? — поворачиваясь и допивая соевое молоко, подал голос Чэнь Юйбай.

— Спрашивай, — буркнул Шэнь Янь.

— Как можно умудриться набрать ВСЕГО триста двадцать семь баллов?

—...

«Ты сам-то понял, насколько это бестактно?»

Но на лице Чэнь Юйбая не было и тени насмешки — только искреннее, научное любопытство. В Шивай строго запрещалось сдавать пустые бланки. Каким образом человек, заполнивший все листы, смог получить настолько мизерную оценку? Для его картины мира это было непостижимо.

Прежде чем Шэнь Янь успел ответить, Лян Цзе постучала указкой по столу:

— Так, тишина в классе! Быстро дожевали свои булки и достали контрольные работы за полугодие. Чэнь Юйбай, хватит заглядываться на Шэнь Яня! Лучше подумай, почему у тебя по литературе всего сто двадцать один балл!

Чэнь Юйбай разочарованно отвернулся к доске.

Шэнь Янь смущённо нахмурился.

«Экзаменационные бланки? А они у меня вообще есть?»

Пока он соображал, сзади раздался тихий голос Цзигуя:

— Я всё собрал. Вторая папка слева, первая страница — как раз родной язык.

Шэнь Янь недоверчиво заглянул в портфель — и правда, папка лежала там.

«И когда он успел?»

Не успел он опомниться, как Лян Цзе с кафедры окликнула его:

— Шэнь Янь! Раз уж мы заговорили об этом... У меня к тебе давний вопрос.

— А? — Шэнь Янь растерянно поднял голову.

— Твоя работа оказалась настолько уникальной, что я узнала тебя даже через запечатанный шифр, — спокойным тоном заговорила учительница. — С тех пор меня мучает одна загадка. Не мог бы ты пролить на неё свет?

Шэнь Янь почувствовал недоброе.

Лян Цзе зачитала с непроницаемым лицом:

— Скажи, пожалуйста, какими чувствами ты руководствовался, когда в блоке анализа поэзии, к строке: «В царстве Шу слышали птицу цзигуй, в Сюаньчэне видят цветы азалии-дуцзюань», написал буквально следующее: «Образ цзигуй символизирует мерзкую, исключительно раздражающую тварь. С дуцзюань аналогично»?

Шэнь Янь: «...»

Цзигуй: «...»

Весь класс: «...»

Ощувив, как за его спиной стремительно падает температура, а затылок под чужим взглядом вот-вот превратится в ледышку, Шэнь Янь виновато оглянулся:

— Это... Цинь Цзигуй, я могу объяснить...

Но Лян Цзе нанесла второй, контрольный удар:

— И ещё подвопрос: «Почему древние поэты с помощью образа птицы цзигуй выражали печаль и тоску?» Как именно ты ответил на него?

Шэнь Янь окончательно застыл.

Он предпочёл бы реализовать право на молчание.

Однако Цинь Цзигуй думал иначе. Он с едва заметным вызовом приподнял бровь и слегка покрутил в пальцах зажатый мобильник, недвусмысленно намекая: не признаёшься — прощайся с аппаратом.

После короткого замешательства Шэнь Янь уткнулся носом в стол. Уши его вспыхнули пунцовым цветом.

И тишину класса прорезал тихий, задавленный бурк:

— Потому что цзигуй — скверная птица.

...

В классе воцарилась звенящая тишина.

И только Чэнь Юйбай наконец осознал, как именно Шэнь Янь набрал свои триста двадцать семь баллов.

Для остальных экзамен был проверкой знаний. А для Шэнь Яня — лишь очередным раундом в их бесконечной любовной перепалке.

<http://bllate.org/book/20611/2130791>